

ходимого для ее развития. Аналогично и коммунистическая идеология перестала в свое время справляться с задачами легитимации политики СССР с помощью воспроизводимой в ней марксистской этики.

В настоящее время поиск идей, которые могли бы стать адекватным ответом России на вызовы глобализации, ведется и либералами, и евразийцами, и неомарксистами, которые *критикуют перспективу неолиберальной версии глобального пост-Модерна, оборачивающейся симуляцией и уничтожением Модерна*. Здесь ведется поиск оснований для анализа складывающейся политической ситуации, интенция которой состоит в том, что «Великая книга новоевропейской демократии до сих пор читалась на национальном уровне. Ее предстоит теперь прочесть на глобальном уровне – с позиций восстановленного суверенитета большинства, призванного демократически контролировать действия элит, подвизающихся на мировом уровне»¹. Однако существует и пессимистический вариант: «Демократия была эффективна в рамках национальных государств, усиление транснациональных политических институтов, с их информационными и экономическими технологиями делает публичную политику просто лишней»².

Россия в постбиполярном мире

Постбиполярность и глобальный дефицит нормативной политики

В своей основе политика зиждется на «отсроченном насилии»³. Но самая искусная и эффективная политика,

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 65.

² Неклесса А.И. A la carte // ПОЛИС, 2001. № 3. С. 41.

³ Ср.: «Церковь живет *отсроченной вечностью* (так же как государство — отсроченным общественным состоянием, а револю-

способная достигать долгосрочных и фундаментальных целей, это политика, основанная на ценностях, убеждениях, идеологиях и утопиях. Политика, основанная не на страхе и угрозе наказания посредством легальных институтов насилия, а на вере в ценности, законы и справедливость. Именно дефицит такой нормативной (идеологической) политики, ориентированной на долгосрочные цели, можно наблюдать в мировой и российской политике.

Существуют три основных подхода к оценке потенциала нормативной политики: реализм, идеализм и конструктивизм. *Реализм* связан с представлением о политике как борьбе сил и ресурсов, где ценности являются всего лишь продолжением интересов. То есть ценности используются не как цели, но как средства. *Идеализм* предполагает безусловность ценностей в политике, а политику, опирающуюся на нормы, рассматривает как наиболее эффективную и выгодную в долгосрочной перспективе. Поскольку соотношение сил, ресурсов и значимых акторов постоянно меняется, в то время как нормы и идеалы могут оставаться неизменными, идеализм предполагает автономию и даже более – приоритет нормативной политики над «реальной политикой». В политической практике чаще всего мы имеем дело с конструктивизмом как смешением принципов реализма и идеализма, поскольку реализм и идеализм представляют классические «идеальные типы».

Конструктивизм предполагает, что в долгосрочной перспективе важны все ресурсы: и сила, и ценности. Причем ценности могут искусственно конструироваться и порождать необходимый образ реальности, а трансформация повседневности, научных знаний, технический прогресс в свою очередь приводят к переоценке политических принципов и ценностей.

ционные партии — отсроченной революцией: все они живут смертью)». Цит. по: *Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, 2000. С. 259.

В международной политике и праве де-факто нет разделения властей. Одни и те же акторы творят нормы международного права и в то же время являются их единственными гарантами. Но исповедуя принцип силы в реализации своих интересов, субъекты международной политики тем самым санкционируют моральную возможность руководства тем же принципом для всех остальных. Реалисты скептически оценивают потенциал идей, способных интегрировать человечество на основе общих интересов и ценностей в долгосрочной перспективе, в противовес краткосрочным выгодам. Вместе с тем слабость реализма в том, что, руководствуясь принципом силы и «войны всех против всех», люди и классы никогда не составили бы общество, а государства – межгосударственные союзы и организации, где добровольное принятие некоторых ограничений оборачивается приобретением неизмеримо больших свобод. Фактически принцип реализма, доводимый до логического конца, предполагает и во внутренней, и в международной политике вечную холодную войну.

С точки зрения «реалистов», международное право есть исторический баланс сил и интересов крупных держав, который их устраивает на данный момент. Этот баланс имеет институциональное оформление в виде международных и региональных соглашений и организаций – ЕС, ООН, МВФ, ВТО, НАТО, АСЕАН и т.п. Нормы и идеалы в данной логике выступают лишь как продолжение политико-экономических интересов, а «нормативные акторы» как агенты влияния и закрепления этих норм. Еще Макиавелли вопреки своим позднейшим интерпретаторам отстаивал тезис, что для эффективного правления политикам, создающим всеобщие нормы и законы выгодно быть идеалистами и моралистами в глазах поданных¹. Такая цель достигается

¹ *Макиавелли Н.* О том, как государи должны держать слово (Глава XVIII) // М.: Государь, 1990.

путем перманентного отождествления своих политических интересов субъектами международного права с некими всеобщими принципами. Власть, апеллирующая к вере в общие символы, ценности и нормы, безусловно, легитимней и эффективней, чем власть, основанная только на силе, пусть и легальной.

Однако постоянное изменение соотношения сил и интересов ведет к изменению норм и правил игры в международной политике, обнаруживая их неуниверсальность. Это негативно сказывается и на реальном влиянии международных политических и экономических институтов, подверженных постоянной трансформации их принципов. Ни одна из карт мира не меняется так быстро, как политическая карта. Логика международного права и норм в данном случае подчиняется логике политической целесообразности и постоянно меняющегося баланса сил. Лишь отдельные страны, входящие в состав основных акционеров ООН (члены Совета Безопасности ООН), имеют реальное влияние на международное право и универсальные нормы, отождествляя их со своими национальными интересами. Но всеобщим и универсальным международное право может стать лишь тогда, когда его законодателем станет человечество в целом, а не политические элиты немногих стран.

Сейчас международное право является лишь постоянно нарушаемым компромиссом интересов, что, конечно, не способствует его эффективности и «идеализации». Универсальные принципы остаются лишь одной из ставок в этой сложной игре интересов и выгод. Безусловно, в последние три века производятся идеалистические попытки создать универсальное метаправо, связанное, например, с концепцией всеобщих прав и свобод человека. Однако в современной международной политике действуют не космополиты, а конкретные лидеры государств, преследующих свои национальные интересы. И всеобщие нормы зна-

чимы лишь настолько, насколько они совпадают с этими национальными, региональными или корпоративными интересами. Достижение всеобщности норм предполагает превращение человечества в единого субъекта политики и права, стирание всех политических границ и создание кантовского всемирного либерального государства. Одновременно это будет концом современной политики как деятельности, в основе которой лежит необходимость разрешения классовых, национальных, религиозных, экономических, региональных конфликтов интересов.

Политическая практика, реализуя всеобщее в частном и особенном, опровергает универсализм любых норм, теорий, идеалов. Если основной проблемой правотворчества является поиск и выражение всеобщих истин, то основной вопрос правоприменения – «кому выгодно». Постоянный конфликт должного и сущего, норм и реальности непреодолим. Таким образом, в современном мире «нормативные предприниматели» выступают прежде всего как проводники неких интересов. Эти интересы могут совпадать, а могут и противоречить интересам других субъектов национальных политик. Это зависит от положения конкретного наблюдателя в социальном пространстве, той исторической и моральной перспективы, в которой он оценивает других политических субъектов. Но наивней всего было бы считать нормативных предпринимателей альтруистами. Если их интерес глубоко спрятан в «гуманистические ценности», нормы права и мягкое интеллектуальное влияние, это еще не значит, что они морально превосходят тех, кто опирается на силу. При всем различии средств цель одна – реализация далеких от всеобщности интересов.

Представляется методологической и практической натяжкой перенесение жестких норм, функционирующих в национальных государствах на уровень международных отношений и человечества в целом. Это предполагает на-

личие некоего мирового правительства, способного поддерживать такие нормы «кнутом или пряником». Реально в современном мире органа с подобными полномочиями нет. Количество норм, хоть как-то функционирующих в международной политике минимально, а сверхдержавы, такие как США, способны выполнять лишь отдельные функции мирового управляющего в отдельных слаборазвитых регионах на ограниченный период времени и с сомнительным результатом. Тем более что с уходом такой сверхдержавы как СССР во многом пропала необходимость нормативной политической игры, связанной с попытками идеологического привлечения на свою сторону сателлитов противника и не-присоединившихся стран.

Таким образом, в настоящее время говорить о складывании всеобщего нормативного пространства в международной политике по аналогии с национальными политиями было бы преждевременно. Прежде всего по причине отсутствия субъекта, способного поддерживать работоспособность норм международного права. Максимум на что способны акторы международной политики, такие как ООН или НАТО, – это лишь поддержание статус-кво в виде баланса сил в актуальной миросистеме. Проектировать нечто принципиально новое они не способны, поскольку такие проекты предполагают фундаментальные изменения нынешнего мирового порядка. Любой региональный, а тем более глобальный кризис сделает этот тезис очевидным. Тем более с учетом постепенного ослабления США как сверхдержавы, которая все с меньшим успехом выполняет роль гаранта каких-либо законов, ценностей и порядка в глобальном масштабе, пытаясь опираться на силовые акции против слабых государств.

Современный мир становится все более неустойчивым. Трансформация капиталистической миросистемы ведет к подвижкам в сфере распределения реальных сил и в

области ценностей, то есть к новым конфликтам. Перманентные конфликты – Афганистан, Иран, Ирак, Судан, Эритрея, Северная Корея, Палестина и Израиль (в 2006 г. потерпевший фактически первое в своей истории поражение) указывают на то, что в случае столкновения в мировом масштабе нескольких центров интересов единственной реальной ценностью становится политическая сила наций-государств, опирающаяся на экономическую мощь, безотносительно к каким-либо ценностям.

Безусловно, страны-мировые лидеры вне зависимости от способа осуществления внутренней политики могут договориться о том, что выгодно для них, в отношениях друг с другом. А нормы международной политики и права закрепят данные договоренности. Но эти нормы и сценарии не всегда устремлены к тому, чтобы реализовать действительно оптимальный сценарий для всех заинтересованных стороны, не говоря о человечестве в целом. Мировая элита после периода биполярности (1945–1991), относительно устойчивой в ценностно-нормативном измерении все чаще предпочитает бокс, а не шахматы, и ситуативный тактический прагматизм вместо долговременных нормативных стратегий.

Проблема неодновременности глобального мира

Могут ли нормы и ценности быть эффективны в политике сами по себе? Возможны ли в политике универсальные ценности? В области политики, в основе которой лежит конфликт различных интересов, ценностные универсалии размыты более, чем в любой другой области деятельности. Кроме того, часто конфликты реальных интересов ложно помещаются в интеллектуальную «упаковку» конфликтов ценностей, идентичностей, цивилизаций, необходимости развития толерантности, мультикультурализма и т.п. Здесь возникают проблемы: Кто законодатель всеобщих ценностей? А судьи кто? Практика

свидетельствует, что все попытки создать эффективные универсалии в политике обычно связаны с процессом монополизации власти.

Представляется очевидным, что эффективные ценности могут быть основаны на консенсусе социальных групп и ключевых акторов вокруг базовых ценностей, на негласном общественном договоре всех заинтересованных сил. Причем как внутри государств, так и на международном уровне. Сегодня опора на ценности эффективна в вопросах, затрагивающих все человечество, будь то глобальное будущее, экология, борьба с эпидемиями, исчерпание природных ресурсов, здравоохранение и т.п. Естественной объединяющей платформой здесь является осознание общей ответственности как метаценности в международных отношениях.

Современные международные отношения после распада относительно устойчивой биполярной геополитической системы СССР-США трудно охарактеризовать иначе как «бой без правил», эпоху нового хаоса. *Основная проблема в том, что интересы глобальных нормативных акторов не превращаются в глобальную ответственность за свои действия и их последствия.* Логика интересов является логикой силы и односторонних волюнтаристских вмешательств во внутренние дела других стран, которая в итоге способна лишь внушить всеобщее недоверие к ранее достигнутым договоренностям, нормам и подходам. Более того, в международных отношениях после периода стабильной биполярности происходит явное разрушение эгалитарных и универсалистских принципов, отказ ведущих акторов, прежде всего США, от диалога с любыми странами на основе каких-либо всеобщих и равных норм.

Очевидно, что прогнозирование нынешних экологических, демографических, экономических тенденций на 30-50 лет подтверждает неизбежность осуществления

многих глобальных угроз человечеству. Причем все государства равны перед этими проблемами, так как они универсальны и касаются всех. Поэтому здесь найти взаимопонимание гораздо легче, чем в областях, где, например, сталкиваются извечные конфликтные интересы мужчин и женщин, антагонистических классов, конкурирующих за рынки сбыта предприятий, наций-государств, различных акторов, стремящихся «откусить» от некоего общего пирога (государственный бюджет, экономические преференции, рынки сбыта, гранты и т.п.).

Но любые идеи предполагают многообразие путей их реализации. Не всегда следование идеям должно превращаться в копирование институтов, в которых эти идеи уже были где-то и кем-то реализованы на практике. И наоборот, копирование формальных институтов и практик одних стран автоматически не порождает соответствующего им типа личности или политического устройства в других регионах мира. Например, трудно представить реальную многопартийность в современном Китае либо странах Центральной Азии без угрозы распада и серьезной дестабилизации этих стран. Поэтому нормативная апология демократии для Китая по образцу, например Великобритании или США, может стать элементарным способом ослабления растущей сверхдержавы, обострения ее внутренних проблем и провоцирования сепаратизма.

Представляется, что осознание общей ответственности, общих норм и ценностей, глобальной взаимосвязи человечества предполагает своего рода моральный переворот в умах нормативных предпринимателей. Осознание того, что счастье одних людей, классов, народов, регионов мира априори не может быть связано с несчастьем других, обделенных куском «общего пирога». Проблема и в том, что универсальные рецепты на практике обычно связаны с сохранением статус-кво. Однако его сохранение, к которому

призывает любая правящая элита, является несправедливым в моральной перспективе тех, кто стремится изменить положение. Это походит на то, как если бы зафиксировать для всех живущих на земле справедливый и неизменный единый уровень образования или доходов. Но есть дети и старики, богатые и бедные, больные и здоровые.

Пространство ценностей всегда субъективно, а их самоочевидность часто обманчива. Оценки социальных фактов могут быть диаметрально противоположны. Ценностные альтернативы обманчивы и зависят от того, «кто, к кому и в каком историческом контексте» их применяет. Древние римляне считали себя цивилизованными, а первых христиан описывали не иначе как варваров. Однако последующая христианизированная история Европы перевернула оценки на противоположные. Североамериканские мятежники, принявшие в 1776 г. Декларацию независимости в случае неудачи были бы казнены властями Великобритании, но успех превратил их в отцов-основателей США.

Актуальная капиталистическая миросистема потеряла тягу к воплощению сколь-нибудь определенного ценностного образа будущего, в то время как ценностный либеральный консенсус все более дискредитируется в международной политике. Утопический образ, который СССР предлагал миру, был в силу разных причин отвергнут, а новой социальной утопии, дающей надежду на лучшее будущее для большинства населения Земли, так и не появилось. В результате на нормативном уровне капиталистическая (либерально-демократическая) современность начинает перерабатывать и упразднять сама себя как мифическая змея Уроборос, заглатывающая свой хвост и символизирующая круговорот жизни. Но подобное состояние нельзя определить иначе как кризис либо застой. В результате многие черты современности просто переходят в свою противоположность. Например, борьба за права меньшинств – сексу-

альных, этнических, языковых, религиозных и т.д. – превращается в глобальную битву за привилегии, которая ведет лишь к росту уровня конфликтности нынешних многокомпонентных обществ и потенциальному распаду современных государств.

Итак, любой нормативный консенсус должен опираться не на некие ценности самоочевидные для большинства населения. Таких ценностей на постсоветском пространстве сегодня нет. Российское общество идеологически и экономически слишком расколото, чтобы такие «самоочевидности» возникли в общественном сознании. Даже «оранжевые революции» не привели к большому ценностному согласию в Кыргызстане, Грузии и Украине. Если мы возьмем российскую историю, то спектр мнений относительно всех переломных ее событий будет полярным, за исключением, пожалуй, Великой Отечественной войны¹. Такой же разрыв можно наблюдать и в оценках демократии, рынка, конкуренции, свободы, равенства, роли государства и т.д. Это и есть главная проблема российской элиты, которая пока не достигла серьезных успехов в процессе консолидации общества именно потому, что не может предложить обществу новые консолидирующие ценности, новый общественный договор.

*Возможно ли прогрессорство в области норм
и ценностей, или «трудно быть богом»*

Со времен Сократа мыслители бьются над вопросом – почему зная в теории, что есть абсолютное добро и всеобщее благо, люди все равно поступают вопреки своим знаниям. Да потому, что на практике люди разделены на общности с множеством частных и особенных, то есть далеких

¹ См. о легитимирующей политической роли интегральных символов нации: *Мартыанов В.С.* Праздник для никого // Политический журнал, 2006. № 20 (115) от 05 июня 2006 г.

от всеобщности интересов (индивидуальных, классовых, экономических, национальных и т.п.). И практика жизни декларирует некие нормы, в соответствии с которыми реальные субъекты могут действовать, используя благие цели как средства для реализации других целей. Например, под предлогом нарушения прав человека требовать экономических преференций. Очевидно и то, что логика капитала и прибыли ограничивает на глобальном рынке ценность политических идеологий, норм, ценностей. Подобные «идейные факторы» играют в условиях капитализма меньшую роль при принятии решений, нежели такие факторы как стоимость труда и сырья.

Представляется, что пока человечество исторически, политически, экономически и культурно разрознено, абсолютизация в глобальном плане ценностно-институциональной матрицы той или иной политической общности аналогична очередному, заранее обреченному на неудачу построению Вавилонской башни. Любая ценность или норма является символом веры лишь для тех, кто ее разделяет. А вера есть нечто самоочевидное, не нуждающееся в доказательстве. Нельзя не заметить, что, к примеру, такие «самоочевидные» для ареала Просвещения магические символы как свобода, демократия, частная собственность, индивидуализм, конкуренция, гражданское общество, часто теряют свою эффективность и «самоочевидную» смысловую и ценностную нагрузку вне этого ареала. А с ней и способность к ритуально-символической функции объяснения политики, легитимации существующих в ней норм, практик и институтов.

Как правило, алиби международных «нормативных предпринимателей» предполагает, что пропагандируемые нормы уже успешно реализованы в местах их возникновения, которые начинают представлять собой нечто вроде земного рая, отстоящего от настоящего отсталых стран не по временной шкале, а в пространстве. Прекрасное будущее как бы уже

существует в настоящем, подтверждая свою осуществимость. Но если в масштабе отдельных государств большинство граждан не питает иллюзий, что все бедные смогут в результате «индивидуальной модернизации» приблизиться к богатым, то в отношении богатых и бедных стран эта иллюзия сохраняется. Но ценность теорий развития, «осовременивания» и модернизации вызывает растущее разочарование адресатов этой теории, пытавшихся применить ее на практике. Первый и третий мир, полюсы богатства и бедности все более расходятся, социально-историческая неодновременность и конфликтность миросистемы в целом нарастают¹.

Либеральный консенсус – реальный фундамент единого нормативного пространства современной политики не выдержал проверки на прочность, оказался «прокрустовым ложем» для слаборазвитых и «неразвивающихся» стран: Ахилл никогда не догонит черепаху, как бы медленно она не ползла. В последнее время в «четвертом», «третьем» и бывшем «втором» мире наступило разочарование в надеждах на лучшее будущее, а соответственно в тех нормах, ценностях и идеях, которые оно легитимировало². Более того, в условиях кризиса капиталистической миросистемы зазор между декларируемыми нормативными универсалиями и опровергающей их практикой «двойных стандартов» и «целей как средств» становится все сильнее.

С другой стороны, экономическая и политическая глобализация мира, ползучее распространение ядерного оружия, экологические проблемы и прочие угрозы не оставляют человечеству иных разумных и эффективных аль-

¹ Статистика, иллюстрирующая рост всех видов неравенств как в глобальном мире, так и внутри отдельных стран, обширно представлена на Интернет-сайте:

<http://www.demos.org/inequality/numbers.cfm>

² См., например: *Иноземцев В.* Маленькие страны в большой политике // Свободная мысль, 2006. № 6. С. 83-97.

тернатив, кроме движения к общим глобальным ценностям и правилам игры, даже если это движение осуществляется по принципу «шаг вперед, два шага назад». В современном мире зоны политических интересов и соответственно «нормативного предпринимательства» поделены несколькими центрами силы, обладающими реальным политическим суверенитетом – ЕС, США, Китай. И отчасти Россия благодаря не столько плохо скрываемому стремлению стать частью «Большой Европы», сколько историческим достижениям периода СССР и ядерному арсеналу.

Стратегия нормативного предпринимательства этих субъектов в отношении остального мира является все той же старой традицией «просвещения» в отношении туземцев, чье настоящее рассматривается цивилизаторами как собственное прошлое, как период детства, который необходимо преодолеть, чтобы позволить развивающимся странам быть равноправными субъектами со своими учителями в лице бывших метрополий. Этот подход не изменился с колониальных времен, даже будучи упакован в риторику общечеловеческих ценностей, демократии и теории модернизации. Зоны интересов не превращаются в зоны ответственности за свои действия. Нормативное предпринимательство осуществляется с заранее известным аксиоматичным шаблоном, который применяется вне зависимости от культурных, исторических и прочих особенностей «варвара» как объекта цивилизаторства (как впрочем и желания «варвара» стать «цивилизованным» по некому образу и подобию).

Целые регионы мира превращаются в лишенные уникальности объекты, нуждающиеся в нормативном предпринимательстве как прогрессорстве – применении неких универсальных норм, призванных вернуть их действительность на магистральный путь прогресса, сделать «современными». Но политические нормы рождаются не в космосе. Они изначально соотнесены с легитимацией и реализа-

цией чьих-то интересов. Например, трудно определить, являются ли жесткие экологические стандарты способом защиты окружающей среды или все же легендой для отсеечения лишних конкурентов с внутренних рынков и т.п. Религиозные миссионеры веками борются за мировые зоны влияния. Однако границы католицизма и православия остаются неизменными. Причем, с точки зрения норм и идеалов христианства, конфликта быть не может, ибо перед Христом «нет ни иудея, ни эллина». Аналогично обстоит дело с политическими традициями, нормами и идеологиями, тоже претендующими на универсализм.

Ни теория модернизации, ни демократизация, ни либерализация не работают, если они механически привносятся извне. *Фактически нормативное предпринимательство является ни чем иным как прогрессорством, попыткой форсировать историю, привести чужую культуру к общему знаменателю. Но возможно ли прогрессорство, применяемое не к воспитанию отдельного человека, а к самой истории, к целым народам и континентам? Представляется, что прогрессор может благодетельствовать лишь того, кто уже готов к восприятию новых идей, институтов, практик. Но в таком случае объект прогрессорства рано или поздно достиг бы поставленных целей и без посторонней помощи. В противном случае, привнесенные извне нормы и институты в результате форсированного внедрения мутируют в нечто иное, порождают «проклятую сторону вещей», о которой прогрессоры либо не подозревают, либо делают вид, что не замечают ее, преследуя собственные интересы.*

Из ниоткуда в никуда:

СНГ как территория прогрессорства

Следует подчеркнуть, что СНГ ни дня не существовал как политическое образование. Это миф, призванный подсластить горечь распада СССР для населения постсо-

ветских стран. В СНГ существуют только центробежные силы, а эффективны всегда оказывались лишь двусторонние связи. За постсоветский период не появилось ни одного проекта в рамках СНГ, предполагающего реальный механизм восстановления экономических, культурных, политических связей хотя бы ядра славянских стран – России, Белоруссии и Украины. Виртуальный союз России и Белоруссии обсуждается в СМИ лишь в ходе очередных выборов, чтобы по их завершении благополучно «кануть в Лету». Таким образом, СНГ – это лишь предмет спекуляций и риторики постсоветских элит, предназначенный для массового сознания. Более того, большинство стран СНГ не имеют реального политического суверенитета, являясь странами-лимитрофами, пограничными зонами. Таковы, например, новые государства Центральной Азии, находящиеся в зоне притяжения с одной стороны России, с другой – Китая и ряда исламских государств, таких как Турция и Иран. Формально являясь независимыми государствами, они в своей политике фундаментально зависят от внешних факторов, находясь в орбите влияния крупных международных игроков. Базовые принципы существования этих политических режимов часто определяются не властными элитами, а внешними силами. Более того, элиты стран СНГ не могут сформулировать долгосрочные политические и национальные интересы своих государств, путая их с собственными интересами.

После СССР вертикальный консенсус народа и элит, четкие правила политической игры не сложились ни в одном постсоветском государстве. Поэтому властвующие элиты могут явно или неявно опираться во внутренней политике только на силу, ввиду низкого уровня легитимности. Новый общественный договор, легализующий новые нормы политики, не был заключен ни в одном из постсоветских государств. Выборы не стали ин-

струментом такого договора, превратившись в необходимый, но недостаточный для выполнения данной задачи ритуал. Этим же объясняется легкость смены постсоветских политических режимов, ни один из которых не стал нормативно легитимным и реально общенародным. Соответственно цикл переворотов внутри властных элит, связанных с переделом клановых сфер влияния в Грузии, Кыргызстане и Украине нельзя назвать революциями. Поскольку последние предполагают активное участие народа в своей судьбе и фундаментальные политические перемены, которые нигде в СНГ по результатам псевдо-революций не состоялись.

Еще несколько лет назад страны СНГ было принято называть «переходными». Восстание элит, решивших присвоить в СССР помимо власти еще и собственность, было оформлено на нормативном уровне как процесс неизбежного преобразования любого недемократического общества в демократическое. Фабула подобного перехода представляет собой старый мифологический сюжет о приходе «золотого века» как «конца истории» через достижение всемирного либерально-демократического состояния народов. Полагая конечную цель, нормы и стандарты ясными, страны СНГ сосредоточили все свое внимание лишь на попытках преодоления разрыва действительности с универсальными нормами, почерпнутыми у внешних прогрессоров.

С нормативных позиций для подобных теоретических установок характерна вера в сверхценность самого перехода как процесса, осмысляемого сквозь призму «реформ». Собственно постсоветский режим легитимировался попыткой перехода к будущему, к неким универсальным, «цивилизованным» стандартам. Но вскоре эйфория прошла. «Демократия с прилагательными» так ничего и не объяснила. Целевые стандарты не были достигнуты. Поэтому элитам в рамках теории транзита не оставалось ниче-

го иного как разыграть один из трех возможных сценариев, связанных с онтологической дискредитацией стандартов «чистого капитализма» и либеральной демократии.

Первый сценарий – объявить реформы завершенными. Но тогда у правящей элиты не оставалось в запасе легитимирующих ее нормативных оснований, так как за 15 лет не было изобретено нового нормативного каркаса постсоветской политики, а обозначенный ранее прорыв к универсальным и высоким стандартам не был осуществлен. В связи с этим элитами предпринимаются сомнительные попытки популяризации новых легитимирующих ее нормативных понятий, например «суверенной демократии»¹, которая является не более чем заменой исторического понятия «социалистической демократии», будучи призвана доказать, что именно российская демократия – «самая демократичная» в мире.

Второй сценарий, осуществляемый сегодня, – симуляция неких реформ, попытка сделать их перманентным состоянием российской политики. Предполагается, что нормативные основы демократии и рыночной экономики в России в целом реализованы, но нуждаются в периодическом «ремонте», «оптимизации» и «наладке» с учетом особенного климата, истории, культуры и т.п. В этой ситуации для описания политического режима изобретаются все новые и новые неологизмы, объясняющие, почему либеральная демократия в России как бы и есть, но пока с «плохими прилагательными»: «прото»- и «квазидемократия», «затянувшийся транзит», «фасадная демократия» (Д. Фурман), «эрзац-демократический режим» или «авторитарная демократия» (А. Мигранян), «полудемократия» (Л. Гордон), «российский гибрид» (Л. Шевцова) и т.п. Соответственно

¹ См.: PRO суверенную демократию. Сборник. М.: Европа, 2007.

если ждать неопределенный период времени и терпеть различные неудобства, тогда в результате бесконечных реформ все же рано или поздно наступит «идеальная демократия». Инвариантом этого сценария является приобретающая в массовом сознании все большую популярность идея о том, что демократия для России не слишком нужна и неэффективна, а демократий без изъянов нет нигде в мире.

Третий сценарий, который не был реализован в силу своей радикальности, заключается в отказе от попыток адаптации к внешней нормативной повестке и реализации принципиально нового утопического проекта для России, независимого от этой повестки. Это вариант полной или частичной автаркии, создания новой империи (национализм) либо альтернативного ядра актуальной миросистемы.

Таким образом, попытки механических нормативных реформ обнаружили отсутствие «автоматической универсальности», наступающей в результате внедрения институтов и практик разделения властей, выборов, рыночных принципов и т.д. Стало очевидным, что казавшиеся универсальными социально-политические идеи и институты обусловлены историко-культурной ситуацией своего возникновения и типом инициировавшего их политического сознания в гораздо большей степени, чем казалось ранее. Поэтому политический транзит как механическое копирование политическими элитами идей и институтов либеральной демократии без предварительного одобрения обществом легитимирующих реформы идей оборачивается закономерными политическими и экономическими кризисами, будь то Латинская Америка, Юго-Восточная Азия или Восточная Европа.

Было бы наивно предполагать, что теоретики глобального транзита не попытаются отстоять универсальность своих схем, раз за разом разбивающихся при попытке их воплощения о невидимые «двойные стандарты»: куль-

турно-исторические различия, неравенство наций в мировом разделении капитала и труда, смена волн демократизации глобальными «отливами» и т.п. При этом теория транзита имеет явный «прогрессорский» подтекст, причем «золотой век» в ней предельно приземлен и материализован топологически, как бы это ни скрывалось, в виде стран «первого мира».

Ответная аргументация адептов универсальных норм (Френсис Фукуяма¹, Егор Гайдар²) свелась к построению алиби, которое можно назвать «ошибкой исполнителей» или «неправильной больной». Кризис структурных «реформ», господство неформальных политических институтов над формальными, условность демократий, рынка и гражданского общества, свертывание публичной политики объясняются через некую присущую России онтологическую «патологию»: исторический тоталитаризм общины, неразвитость правового сознания, тоску по «сильной руке», русскую лень, специфический климат, уникальность и невоспроизводимость исторического опыта России и т.п. Однако подобная логика «патологии» представляется не более чем интеллектуальной формой мазохизма, ведущей Россию в исторический тупик уникальности: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...». Это значит, что ни к России не применимы какие-либо универсальные нормы и стандарты, ни она, в свою очередь, не может предложить миру собственный опыт в качестве нормативного. Поэтому уникальность неизбежно оборачивается маргинальностью и периферийностью.

Проблема в том, что универсальные нормы обычно выстраиваются как жесткие бинарные оппозиции, приобре-

¹ См.: Фукуяма Ф. Жизнь после истории (интервью) // http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-03-18/fukuya.htm

² Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.

тая манихейский характер борьбы одной главной оппозиции – добра и зла. В результате происходит невидимая морализация политических теорий, переориентация их на веру в некие универсальные символы и стандарты: коммунизм, капитализм, анархия, демократия или корпоративизм. Символы, которые часто совершенно не имеют отношения к реальным институтам и практикам повседневности, целенаправленные изменения которых производятся десятилетиями. Изменения норм и ценностей связаны с внутренней эволюцией современных обществ, мало зависимой от внешних и политических факторов. Соответственно исследователь, использующий подобный теоретический инструментарий, знает легко предсказуемые ответы на все возможные вопросы. В силу этого теория демократического транзита неизбежно приобрела черты мессианства, нетерпимости, дидактизма и «прогрессорства», обращаясь к анализу любой политики с заранее заданным шаблоном. Здесь рецепт врача, как правило, предшествует анамнезу болезни.

Хотя если отойти от присущего политологам политикоцентризма, то многие политические изменения объясняются неполитическими факторами. Вообще демократию можно описать, вовсе не прибегая к привычным идеологическим конструкциям. Например, Э. Тодд¹ трактует современную демократию не как ценностную приверженность некому идеологическому комплексу, но прежде всего как следствие преодоления безграмотности, повышения уровня доходов населения, снижения рождаемости и экономической модернизации. То есть объективно-исторических причин, не связанных с идеологиями и нормами. Еще дальше идет Р. Даль, отказавшийся от предельно размытого терми-

¹ Todd Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М., 2004. С. 35-56.

на «демократия» в пользу концепта «полиархии» и скрупулезно перечисляющий еще большее количество неполитических переменных, необратимо ведущих любое общество к демократии (полиархии)¹.

Итак, в универсальных теориях обществоведения и всемогущих законах истории рано или поздно обнаруживаются функции чьих-то вовсе не универсальных социально-политических и экономических интересов. Конец универсальности целей как обнаружение двойных стандартов внутри монархии, капитализма, социализма, либеральной демократии, капиталистической миросистемы в целом – ведет к моральному неприятию статус-кво. Эту ситуацию рождает протест, который реализуется сегодня в «новых демократиях» СНГ в широком спектре действий, направленных на изменение несправедливой действительности: от пассивного гражданского неповиновения и конфликтов элит до гражданских столкновений.

В постсоветской России молниеносное по историческим меркам разочарование в потенциале нормативной политики, а с ним и скептицизм в отношении демократии как таковой, обязано тому, что в новейшей российской истории демократия трактовалась как утопия-антипод социалистического настоящего. Осуществление демократии приравнивалось к мгновенному и почти автоматическому пришествию земного рая в виде общества потребления. Поэтому неудивительно, что, став из утопии официальной практикой властной элиты, тем, что существует «здесь и сейчас», либеральная демократия как утопия тут же была дискредитирована повседневной практикой властных элит и негативным опытом населения, полученным в результате бесконечного переходного процесса к неуловимому идеалу.

¹ *Даль Р.* Предпосылки возникновения и утверждения полиархии // ПОЛИС, 2002. № 6. С. 41.

*Агрегация общественных интересов
как основа нормативной политики*

Сегодня в области норм и идеологий Россия находится в ситуации межвременья, когда советские идеалы развенчаны, а новые неприемлемы для значительной части населения. При этом элиты не стремятся предложить новую интегрирующую общество систему ценностей, новый общественный договор. В результате элиты вынуждены опираться преимущественно на неэффективные аппараты законного насилия, будучи не способны создать новые легитимные идеи и нормы. Дефицит нормативности в свою очередь ведет к эрозии стратегической политики, постоянно меняющейся в зависимости от динамики внутриэлитных раскладов.

Вместо создания интегрального ценностного пространства российские правящие элиты предпочли заниматься более легкой задачей – механической централизацией политических институтов, обеспечивающей их неопределенно долгое пребывание у власти. Но этот процесс сам по себе не является гарантом большей стабильности, если понимается как монополизация политической власти и ограничения политических механизмов выражения «народной перспективы». Стоит отметить, что тенденция свертывания реальной политики как «шагреновой кожи» отчасти спровоцирована и самим российским обществом.

В условиях нормативного дефицита жесткие идеологические дебаты «правых» и «левых» в современной мир-системе теряют смысл вместе с их проектами масштабных перемен и социальных экспериментов. На выборах в России, СНГ, Восточной Европе побеждают популисты, эффективно реагирующие на текущую повестку дня, использующие патерналистские и иждивенческие настроения, но не способные ставить долгосрочные цели в перспективе национального интереса.

Дефицит легитимности постсоветских режимов приводит к тому, что элитам часто не на что опереться кроме неустойчивого баланса сил, ненадежного статус-кво. Соответственно, если элита не может опереться на нечто большее, чем институты, неспособна сформировать легитимную систему политических норм и символов, политический режим априори является неустойчивым.

В целом российский опыт политического «нормативного предпринимательства», ориентированного на внешнюю повестку имеет отрицательные результаты. Внешнее идеологическое и нормативное миссионерство не принесло желаемых результатов для страны. Тем более, что часто влияние на постсоветские социальные процессы в России и СНГ со стороны внешних предпринимателей носило не реальный, а воображаемый характер. Многие внешние нормы и институты были восприняты элитами стран СНГ в виде поверхностной риторики, но не императивов для реальной политической практики.

Представляется, что «нормативные предприниматели» в принципе и не могли открыть некие принципиально новые нормы и ценности для России. Дело в том, что СССР представлял собой альтернативную версию западного Модерна. Соответственно он де-факто не нуждается в переносе неких ключевых естественных ценностей и норм, принадлежа к тому же идейному пространству Модерна, что и Европа. Модерн здесь понимается как завершающий этап Просвещения, предполагающий такие признаки современного общества как мощная индустрия, всеобщее образование, широкий круг социальных прав и гарантий, высокий уровень жизни, легитимность политического режима в глазах большинства населения и т.п. По этим параметрам, если отбросить политическую демагогию, «западная» и «советская» версии Модерна-Современности действительно имели много общих нормативных признаков, а главное – общий нормативно-идеологический

язык, на котором можно было договариваться в глобальном дуополярном мире.

Признаки Модерна были во многом утрачены в постсоветский период, причем утрачены именно на фоне «нормативного импорта» – попыток поспешного передела советской версии Модерна в западную. В результате попыток подобного копирования Россия подверглась общей демодернизации. Фактически превратившись в сырьевой придаток глобальной экономики, что устраивает, вопреки используемой риторике, как мировые политические элиты, так и российскую властвующую элиту. В условиях такого консенсуса элит деятельность как внешних, так и внутренних организаций в рамках «нормативного предпринимательства» в России почти бессмысленна, путь в реальную политику им закрыт. Пока силовой консенсус элит, подкрепленный «нефтяным проклятием», существует, ни экспорт «оранжевой революции», ни серьезные нормативные и практические изменения в России невозможны. Страна переживает период реакции на случившиеся с ней шоковые перемены и менее всего готова к новым экспериментам и трансформациям. Хотя может быть и нуждается в этом более всего.

Очевидно, что именно властная элита является ведущим и едва ли не единственным реальным нормативным творцом в России. Элита формирует выгодную повестку дня, замещая темами терроризма, фашизма и судеб отдельных олигархов такие важные для российского общества проблемы как бедность значительной части населения и бюджетников, ухудшение структуры экономики, экстремальное социальное расслоение, демографический упадок и т.п. На самом деле ключевые задачи, стоящие перед Россией, и способы их решения совсем другие, нежели те опасности в виде миграции, «куриного гриппа», международного терроризма, экстремизма, которые раздуваются в информационной повестке

СМИ. Вместе с тем во внешней политике Россия все активнее использует тупиковый конфликтный сценарий, который мешает ей эффективно отстаивать национальные интересы в режиме нормального политического торга, частью которого является привычная риторика США и стран ЕС о правах человека, демократии, свободе и т.п.

Представляется, что эффективная нормативная политика и позитивные общественные изменения в современной России могут быть только продолжением нового общественного договора. А его сутью может быть лишь новая концепция справедливого общежития граждан России, которая легитимировала бы в глазах большинства новый политический режим, его нормы и институты. В настоящее время со стороны политических и интеллектуальных элит не наблюдается даже попыток апробировать базовые принципы и нормы, способные объединить граждан России из сообщества «групп населения» в нацию. Поэтому Россия остается идейно и социально расколотой страной с отсутствием внятного национального мифа (если не считать таковым ситуативный прагматизм элит) и неопределенным будущим несмотря на некоторые упорядочивающие политические реформы.

Внятный стратегический выбор в постсоветский период так и не был сделан. Основанием реальной стабильности и залогом будущего может стать лишь новый общенародный консенсус, который федеральный центр путает с достигнутым консенсусом элит. И заставить нынешние элиты думать на «нормативные темы» может только масштабная катастрофа: либо природный катаклизм, либо конец «нефтяного проклятия», либо массовые протесты населения, либо внешняя экспансия. И все эти предельные условия в настоящее время практически неосуществимы.

***Россия в перспективе миросистемного подхода:
возможные стратегии в актуальной миросистеме***

Фундаментальные и во многом неожиданные изменения постсоветского общества обусловили необходимость принципиального пересмотра социальных теорий, определяющих Россию и ее положение в мире. Рост периферийности страны по многим позициям, в том числе в области общественнознания, требует анализа возможностей изменения положения в лучшую сторону. В истории российского обществознания уже осуществлялись в разной степени успешные попытки осознания места России в капиталистической миросистеме (КМ): просвещенческая парадигма, цивилизационные теории, западничество и почвенничество, социалистические теории (от народнических до марксистских), неолиберализм и т.д. Соответственно, предлагались проекты улучшения положения России в миросистеме: догоняющая модернизация (Петр I и большевики), частичная автаркия (цивилизационные теории, почвенничество, «социализм в отдельной стране») и даже создание чего-то вроде ядра альтернативной миросистемы – новой «общественной формации» (СССР).

Сегодня Россия как никогда нуждается в интеллектуальных концепциях, имеющих целью улучшение ее положения в актуальной КМ. Миросистемный анализ, на который опирается данная статья, рассматривает историю человечества в виде роста и распада «исторических систем»¹. Наибольшее внимание посвящено изучению

¹ См. о миросистемном подходе: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. М., 2006; *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI в. М., 2003; *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003; *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленность идентичности. М., 2004; *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. М., 2006; *Валлерстайн И.* Утопийское, или исторические возмож-

актуальной КМ (или миро-экономике), которая вытеснила из современности локальные миры-империи. В рамках миросистемного подхода считается, что КМ, зародившаяся в Европе в «долгом» XVI в. и подчиненная принципу «бесконечного накопления капитала», глобализировалась в результате цикла буржуазных революций и перехода от аграрного к урбанизованному укладу жизни. Ее легитимирующей основой стал базовый «либеральный консенсус» относительно «универсальных» ценностей и принципов современных обществ (рациональность, капитализм, демократия, рынок, конкуренция, права человека, реформизм и т.д.).

С позиций миросистемного подхода, Россия в течение последних веков с переменным успехом находится на полупериферии КМ, то есть частично пользуется преимуществами стран, находящихся в центре КМ, а частично является объектом эксплуатации в результате неравного обмена и глобального разделения капитала, технологий, труда, и сырья¹. Миросистемный подход скептически оценивает надежды периферии через различные концепции форсированного и догоняющего развития избавиться от трудовой и сырьевой эксплуатации. Это вовсе не означает, что та или иная страна или мировой регион в принципе не могут улучшить свое положение в КМ.

Несмотря на то, что в XIX–XX вв. КМ идейно и экономически охватила весь мир, впервые сделав его взаимо-

ности XXI века // Прогнозис, 2006. № 1(5). 2006; *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006 и др.

¹ В настоящее время едва ли не единственной последовательной попыткой с позиций миросистемного анализа рассмотреть особенности российской истории и происходящих в России социально-экономических процессов является работа: *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2004.

связанным, внутри нее нарастали кризисные явления, которые привели к целому циклу глобальных экономических депрессий и мировых войн. Чем более глобализированной становилась КМ, тем сильнее проявлялись фундаментальные асимметрии, касающиеся уровня и продолжительности жизни, потребления, образа жизни и мировоззрения человечества в различных частях света. Усиленное расслоение КМ на центр (Западная Европа, США, Япония), полупериферию (социалистический лагерь) и периферию (Латинская Америка, Азия и Африка) или первый, второй и третий мир со временем лишь подтверждало свой закономерный характер. В 1991 г. после распада социалистического блока, а затем и СССР, появились скороспелые прогнозы о «конце истории» и глобальном торжестве принципов либерализма. Однако область неопределенности и хаоса, конфликтов и террора, принципиальных разногласий мирового масштаба между центром и периферией продолжала нарастать.

Перемены, происходящие в КМ, не могли не вызвать аналогичных трансформаций и в области социального знания. Рост популярности цивилизационных, этнических, националистических и религиозных концепций во многом является следствием иррациональной реакции общественного сознания на рост противоречий и фрагментацию КМ. Прежние социальные теории и классовые идеологии уже не работают, а новых обобщающих парадигм еще нет. Отсюда – естественный соблазн объяснить происходящие в мире радикальные перемены упрощающими истинное положение дел теориями заговора, конспирологией, цивилизационными и религиозными конфликтами, неувыдающими западничеством и славянофильством. Эти теории если и не рожают новое знание, то по крайней мере указывают на воображаемых виновников происходящих негативных перемен.

Неустойчивость миросистемы в ее новейший постбиополярный период во многом стала результатом идеологи-

ческого и практического крушения в мире национально-освободительных и левых движений, являвшихся выразителями интересов «опасных классов». Эту роль ключевого внутреннего стабилизатора, инициировавшего политические и экономические изменения, в конечном счете укрепляющие, а вовсе не разрушающие КМ (как полагали крайние левые) после крушения СССР выполнять стало некому. Поскольку именно левые наиболее активно побуждали КМ к совершенствованию, сокращению неравенств, поддерживали веру в прогресс и лучшую участь будущих поколений. *Веру в иное будущее, нежели настоящее.* Отсюда проистекал исторический оптимизм периферийных стран и социальных классов, обделенных выгодами в рамках миросистемы капитализма. Но вместе с распадом социалистического блока рухнули последние надежды мирового левого движения на неизбежность движения к более эгалитарно и справедливо устроенному миру. Поскольку символом, надеждой и реальной силой, заставлявшей КМ меняться в эгалитарном направлении, был СССР.

Исчерпание экстенсивного принципа развития капиталистической миросистемы: конец дешевых ресурсов и предел географической экспансии капитала

Исторически одним из эффективных способов решения внутренних кризисов КМ – неравномерного развития, перепроизводства, обострения конкуренции, снижения нормы прибыли, а следовательно стагнации и инфраструктурной декапитализации – была географическая экспансия капитала. Это расширение раз за разом позволяло отсрочить кризис перепроизводства, благодаря пространственному освоению новых рынков сбыта товаров, новых источников сырья и дешевому труду¹. Но глобализация КМ

¹ *Арриги Дж. Утрата гегемонии // Прогнозис, 2005. № 2(3). С. 17.*

в силу завоевания всего мирового пространства свела эффективность пространственной экспансии капитала к нулю. Географически мир уже завоеван капиталом. Поэтому внутренние циклические кризисы (неравномерность развития, долгосрочные экономические циклы сжатия-подъема Н. Кондратьева, перепроизводство, падение прибылей и т.п.) уже невозможно отложить во времени и пространстве благодаря тотальной «капитализации» современного мира. Поэтому КМ уже не может экстернализовать свои внутренние кризисы, не претерпев серьезной трансформации. Вопрос лишь в том, сможет ли КМ преодолеть «кризис пространства» в собственных целях и интересах, либо он приведет к формированию: а) принципиально иной миросистемы; б) распаду КМ на ряд более локальных мироимперий.

Кризис пространственной экспансии капитала выражается в спекулятивной мобильности финансового капитала, погоней за сверхприбылью на рынках дешевого труда. Но резервы подобных выгодных рынков (дешевые труд и сырье, благоприятный климат, выгодная география, близость морей и океанов) по большому счету исчерпаны. Поэтому из эффективных способов увеличения капитала в КМ остается лишь метод технологических прорывов и закрепления монополии на них. Но в условиях КМ монополия на технологии не может быть долгосрочной. Рано или поздно технологии становятся всеобщим достоянием.

Однако мало кто замечает, что капитализм является не только принципом, но и обладает темпоральностью. Он способен как создавать новые инфраструктурные пространства, так и приводить к разрушению уже имеющихся, то есть декапитализировать экономику. Обычно началом декапитализации является кризис перепроизводства, падение стоимости раздутых спекулянтами активов и географическое бегство капиталов, которые влекут за собой застой, деиндустриализацию и экономическую депрессию. Но дело в том,

что в актуальной КМ с ее глобальной экономикой капиталу по сути дела больше некуда бежать в погоне за прибылью.

И зачастую развитым экономикам уже неконкурентоспособным в индустриальном и сырьевом сегменте, переживающим стремительную деиндустриализацию – не остается ничего иного как превращаться в «вынужденно постиндустриальное» общество. Хотя с таким же успехом его можно было бы назвать альтериндустриальным. «Общество знаний» и «экономика услуг» часто оказываются создаваемыми вынужденно. Проигрывая в нише индустриальной (дорогая рабочая сила, высокие налоги, экологические и социальные стандарты и т.п.), остается брать реванш лишь в областях, где возможно поддержание глобальной монополии, а значит сверхприбыли, обеспечивающей достигнутый высокий уровень жизни. И этими сферами обычно становятся высшее образование, фундаментальная наука, высокие технологии, банковская деятельность, производство уникальных культурных артефактов (мода) и т.п. Но при такой постановке проблемы существуют серьезные сомнения, что такие заповедники «постиндустриального общества» как Европа и США могут в обозримом будущем стать судьбой всего человечества. Поскольку они представляют собой не более чем специализацию на сверхприбыльных отраслях экономики в глобальном масштабе.

***За пределы капиталистической миросистемы:
этический поворот как условие общества нового типа***

КМ представляет собой общества потребления, следующие основному императиву капитализма – бесконечному накоплению прибыли. *И идеологический спор в биполярном мире между двумя версиями современности, представленными СССР и США, на самом деле был лишь обсуждением того как, кому и сколько дозволено потреблять в КМ. Поэтому любая критика либерального консенсуса и*

общества потребления, претендующая на принципиальность, должна предложить альтернативу этому обществу потребления, бросить вызов самоочевидному здравому смыслу.

Это в свою очередь предполагает позитивное описание общества нового не-потребительского типа, где потребление не является ведущим принципом. Такие общества уже существовали до капитализма. Но имеют ли они шанс быть «вместо» или «после» капитализма? Прогнозировать сложно. Пока же все критики, начиная с Г. Маркузе и Э. Фромма и заканчивая Ж. Бодрийяром и С. Жижекком, сосредоточили свой интеллектуальный пафос на второстепенных явлениях – теориях идентичности и мультикультурализма, исследовании феномена символического (престижного) потребления, типов конформистских личностей, психологии анонимной толпы, социальной деструкции, технологиях манипуляции «социальным воображаемым», феноменов «имплозии масс» и престижного потребления, симулякров и т.п. Однако это все же не более чем критика общества потребления изнутри, которая вполне может быть им переработана в его собственных целях.

Очевидно, что призыв к социальным переменам возникает из все более явного разрыва сложившихся общественных отношений и располагаемых обществом возможностей. Это достигнутые материально-технические возможности, способные принести пользу и улучшить условия жизни многих, тем не менее, в силу не имеющих оправдания причин остающиеся привилегиями элит. Таким образом, новые возможности входят в противоречие со сложившимися моральными, юридическими, политическими принципами, оправдывающими статус-кво. В результате расширяющегося морального негодования происходит утрата легитимности статус-кво, которое в силу открытия новых возможностей автоматически теряет легитимность, если эти возможности монополизируются.

Историческая интенсификация обменных процессов в КМ привела к тому, что непрекращающийся рост несправедливости как доступа к возможностям, предоставляемым Современностью, принял гипертрофированную форму, покинув рамки отдельных городов, регионов и государств, и будучи распространен на все человечество в целом. Парадокс в том, что, развиваясь именно в рамках проекта КМ, человечество стало как никогда неравным по своим возможностям.

Соответственно новейший дискурс справедливости указывает уже не на привычные способы распределения имеющихся в обществе благ, а на принципиальные возможности роста этих благ, связанных не только с радостями потребления, но и с совершенствованием самого человека и существующих общественных институтов (снижение преступности, доступ к передовым технологиям и научной информации, оздоровление, экология, создание эффективных систем международной безопасности и т.п.). Пренебрежение *уже доступными возможностями* – таков основной объект критики, посредством которого кристаллизуются новые теории протеста против статус-кво миро-системы.

Таким образом, либеральный консенсус КМ плох не тем, что он по природе своей несправедлив, а потому, что он уже не стимулирует как когда-то, но наоборот де-факто ограничивает использование имеющихся у человечества возможностей. И здесь речь идет не только о технологиях и ресурсах, но и о критике моральных принципов КМ, герметически замкнутых на бесконечное накопление капитала, подчиняющее себе все иные возможные приоритеты.

Еще на заре формирующейся КМ ключевая идея Просвещения – идея разумного прогресса – социально и технологически возможное сделала общественно необходимым. Осуществление возможного стало базовой целью и

потребностью. Интеллектуальные и материальные «фьючерсы будущего» стали влиять на настоящее больше, чем прошлое с его консервирующим обществом здоровым смыслом и традициями. Люди стали оценивать социальные институты, включая государство, исходя из их новых возможностей (управленческих, регулирующих, технологических и т.п.), а не привычного статус-кво. Собственно в этом и была суть либерального консенсуса для большинства – в обозримом будущем гарантированно получить те же возможности, уровень жизни и права, что в настоящее время доступны немногим. И этот принцип работал в области расширения политических и социальных прав, уравнивания мужчин и женщин, отмены сословий, запрета расовых дискриминаций и т.д.

Однако эти возможности технически стало столь же возможно употреблять и в пользу умножения неравенства, в особенности экономического. И эти расширяющиеся и регулируемые неравенства более обидны, чем статичные неравенства прошлого. Поскольку они сопровождаются надеждами на улучшающие изменения, которых не питали люди жившие в традиционных обществах, подчиненных повторяющимся природным циклам. Неизменный ритм этих циклов был прерван идеей прогресса, линейного времени и динамически развертывающейся социальной утопии, постепенно (в противовес мгновенному хилиастическому переходу в лучший мир) и на научной основе (всеобщие законы истории) преобразующей общество к лучшему. И несправедливость здесь стала интерпретироваться уже не как ухудшение статус-кво, но наоборот, как его сохранение, как нереализованность возможностей и надежд, как отсутствие изменений к лучшему. Ибо возможности стали неотъемлемой частью социальной реальности Современности-Модерна.

Актуальный тренд общественнознания к поиску принципиальных альтернатив обусловлен кризисом органической

для либерального консенсуса веры в прогресс как гарантии постепенного и неизбежного претворения в жизнь всего человечества либеральных принципов, равных прав для всех. До недавнего времени обездоленные, бесправные, эксплуатируемые были согласны жить «отсроченной справедливостью», будучи уверены в ее неизбежном претворении в светлом будущем. Если не для себя, то для своих детей. Поэтому работала модель справедливости как улучшения статус-кво, опиравшаяся на веру в универсальность ценностей либерального консенсуса.

Однако разрыв периферии и центра КМ в реальных стандартах жизни, правах, возможностях, доходах продолжал увеличиваться. Падение социалистического блока, стремившегося реорганизовать КМ на условиях более эгалитарных принципов, неудачи неолиберальных модернизаций и феномены «неразвивающихся обществ» поколебали базовую веру в то, что история человечества является прогрессом ко все более равному и справедливо устроенному человечеству¹.

¹ Приведем пример из области экологии. Радикальные экологи типа «Гринпис» обосновывают тезис, согласно которому сохранить нынешний критический уровень глобальных выбросов и потребления не возобновляемых ресурсов можно лишь путем замедления индустриализации стран третьего мира. Мир пугают картиной Китая, который скоро пересядет с велосипедов на машины. Но сохранение статус-кво, фактически означает неразвитие третьего мира и сохранение положения, когда средний американец будет потреблять в десятки раз больше энергии и ресурсов, а производить отходов, чем средний житель периферии КМ. При этом контролеры экологического дискурса всеми силами не допускают обсуждения другого самоочевидного варианта: снижения уровня избыточного потребления в развитых странах. Вместо этого в росте производства, потребления, отходов отказывается по экологическим предложениям странам периферии, чей ны-

Потеря веры в реальную демократизацию и возможность обеспечения равных социальных стандартов всех нынешних обществ привела к идеологической дестабилизации КМ¹. Целые страны и мировые регионы, потерпев крах национально-освободительных движений и попыток форсированных экономических либерализаций, перестали жить ложными надеждами, поддерживавшими стабильность КМ. Люди просто устали ждать и надеяться на изменения, принципиально улучшающие статус-кво. Фактически центр КМ не желает пересматривать статус-кво, а «прозревшая» периферия уже не может с ним мириться, что ведет к обострению всех конфликтов (экономических, религиозных, классовых и т.д.), нетерпимости, логике «сейчас или никогда», набирающей силу в условиях дискредитации универсальных идей прогресса, либерального консенсуса и всеобщих исторических законов.

И дело здесь даже не в том, что в КМ в целом нет перемен к лучшему. Они есть и немалые, даже в слаборазвитых странах, получающих все больший доступ к современным технологиям, образованию, медицине, глобальному рынку труда и т.п. Проблема в том, что общий рост «справедливых» требований людей вследствие демократизации и «социализации» сообществ периферии, превращения их в потребительские по своей логике общества вследствие глобального перехода от аграрного к урбанистическому образу жизни – несоизмерим с теми реальными возможностями, которые имеются у большинства стран второго, третьего, четвертого мира по реализации улучшающих жизнь

нешний путь просто повторяет путь постиндустриальных стран полувековой давности. Здесь к растущим экономикам применяются актуальные требования и стандарты постиндустриального мира, что ставит их в заведомо неравное и несправедливое положение.

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. М., 2003. С. 27.

большинства изменений. Но самое печальное в том, что излюбленная антиглобалистами логика противостояния вовсе не нацелена на поиск путей увеличения «общечеловеческого пирога», но скорее на «справедливое перераспределение» его кусков, что является лишь еще одним более изолированным и отдаленным, но все же тупиком внутри лабиринта общества потребления.

С другой стороны, наличие способностей и ресурсов полупериферии и периферии обеспечить долгосрочные и стратегически согласованные действия по целенаправленной трансформации КМ в сторону ее большей справедливости, вызывает обоснованные сомнения. Особенно учитывая разобщенность стран полупериферии и периферии КМ в сравнении с ее консолидированным центром, обострение всех локальных конфликтов, падение реального влияния как международных, так и государственных институтов в современных обществах потребления. Поэтому перспективы такого гипотетического конфликта периферии и центра КМ напоминают конкуренцию владельца контрольного пакета, определяющего правила самой борьбы, и множества разобщенных миноритариев.

Как это ни парадоксально, но реальных возможностей для реализации целенаправленных социальных перемен в актуальной миросистеме становится все меньше даже у ее ключевых акторов. Традиционное видение мировой политики как столкновений и договоренностей по поводу внешнеполитических интересов ведущих мировых наций-государств уходит в прошлое. Все более сложный постбиполярный мир все труднее контролировать кому бы то ни было.

Новый космополитизм: возможна ли трансформация КМ в перспективе интересов всего человечества?

Капитализм и созданное им общество либерального консенсуса были связаны с формированием в качестве самостоятельного политического субъекта отдельного чело-

века – как гражданина, индивида, автономной личности. Поэтому все переходы в буржуазное (либеральное, индустриальное, современное) состояние немислимы без фоновых практик осознания себя свободными индивидами, автономными личностями. Что предполагает выход человека из повседневных структур опеки со стороны семьи, общины, церкви и прочих доминирующих структур традиционного общества. Таковы практики выделения автономной личности, без которой невозможен переход от аграрного к урбанистическому обществу, связанному с индустриальным производством и сложной техникой.

Массовое производство автономной личности было обеспечено Просвещением. Превращению масс в «личность для себя» способствовали практики политизации повседневности – и массовое образование, и массовый террор, и открытые судебные процессы, и развитие «классового чутья»¹, и практики коллективного обличения, и формы партийных и трудовых собраний, и изобретение «врагов народа», и французский роман, открывший сложный внутренний мир современной личности, с тонкими рефлексиями мотивов героев и препарированием любых душевных переживаний и т.д. Все это кристаллизовало во вчерашних крестьянах новое видение социального мира, способы его понимания и интерпретации. Этими инструментами описания и познания стали идеологии и утопии, сменившие церковную догматику, адекватную статичным аграрным обществам, где познание социального сведено к признанию неизменных социальных и природных закономерностей мира, в котором отсутствуют социальные изменения.

Обратная сторона индивидуализма проявилась в последовательном разрушении политики, права и культуры,

¹ См. подробнее о практиках и особенностях массовой индивидуализации общества в России XX в.: Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб., 2002.

основанных на системе холистских, коллективных практик. После «освобождения» оказалось, что автономные личности не особо и нуждаются в промежуточных структурах типа семьи, общины, церкви, партии, идеологии и т.п., для принятия тех или иных решений. И здесь серьезной проблемой даже в образцовых демократиях типа Норвегии, стало выражение общественной воли и агрегирование социальных интересов, когда «индивидуализация обществ» достигла апогея в обществе потребления¹.

Таким образом, экономическая глобализация происходит в КМ на фоне фрагментации и дезинтеграции социально-политических и культурных институтов и практик. Здесь, в условиях ослабления национальных государств и универсализирующего либерального консенсуса возвышающиеся меньшинства оказались неспособны бороться за изменение обществ в целом, но лишь – за изменение своего положения внутри общества. Все большее стремление различных групп общества к уникальности, а не к универсальности, закрывает возможность диалога между ними. Остается лишь следовать модели конфликта этносов, классов, цивилизаций, центра и периферии, капитала и труда и т.п. Подобные бинарные схемы удобны для вычленения врагов тех или иных групповых интересов, но представляют собой практический тупик с точки зрения способности реинтегрировать пошатнувшиеся нации-государства, не говоря о самой КМ.

Процессы универсализации и интеграции все чаще уступают в КМ место процессам фрагментации и сегрегации. Но возможен ли сегодня в принципе отказ от не устраивающего многих либерального консенсуса и присущих ему полумер? Ведь понятийный аппарат либерального кон-

¹ См. подробнее: *Ринген С. Демократия: камо грядеши? // Логос, 2004. № 2.*

сенсуса представляет своего рода самолегитимирующее основание всей КМ. Что может быть более универсализующим в современном мире? И могут ли быть вообще эффективны фундаментальные решения по принципу «или-или», которые либо превратят либеральные ценности в доступные всем права и принципы, что является откровенной утопией, либо приведут к отказу от этих принципов – расизму, национализму, цивилизационизму, экстремальному либертаризму – и неизбежному распаду либерального консенсуса.

Политическая борьба за социальные изменения движима надеждами на лучшее будущее. Либо в негативе – протестом против несправедливого настоящего. *Представляется, что в условиях КМ большая справедливость политических решений, прежде всего на международном уровне, может быть связана с выработкой механизмов принятия решений, предполагающих учет перспектив интересов человечества в целом. То есть выработку долгосрочных стратегий, учитывающей не только интересы всех населяющих землю людей, но и будущих поколений. Но здесь возникает та же, что и на государственном уровне проблема агрегации и выражения этого сущностного интереса человечества, не подменяемого частными и особенными интересами отдельных обществ, регионов, государств, ТНК, политических элит и т.д. В результате оказывается, что мыслить поверх всех границ, разделяющих человечество, значит по сути выйти на точку вне человечества: будь то бог, за-человечество или инопланетяне. Несмотря на подобное утрирование интеллектуальное и практическое движение в сторону выработки принципов пан-холизма представляется неизбежным и плодотворным, если человечество все же хочет выжить на этой планете.*

***О преодолении периферийности России
в миросистеме***

Пожалуй Россия – самая «неодновременная» страна в актуальной КМ. Во многом из-за ее молниеносной эволюции с позиций части центра КМ (СССР как сверхдержава) на откровенно периферийные позиции. И все же нынешняя периферийность (или полупериферийность) не означает для России периферийности во всех аспектах общественной жизни. Это прежде всего периферийность в экономическом смысле, когда Россия превращается в глобального поставщика сырьевых ресурсов для КМ. Периферия вносит в миросистему свои природные ресурсы, полупериферия, как правило, дешевый труд, и лишь центр КМ старается поддержать высокий уровень жизни своих граждан монополией на сверхприбыльные технологии и фундаментальную науку. Однако экономическая периферия далеко не всегда является периферией в политическом и военном отношении. Не говоря уже о ситуации кризиса миросистемы, где страны полупериферии могут решить исход ее трансформации.

Фундаментальные ухудшения положения постсоветского общества в КМ обусловили необходимость принципиального пересмотра привычных ранее теорий, описывающих Россию и ее положение в мире. Рост периферийности по многим позициям, в том числе в области общественно-научного познания, требует анализа возможностей изменения положения в лучшую сторону. Однако российское обществоведение застыло на запаздывающем осознании кризиса привычных социально-политических парадигм и факта все большего идейного провинциализма России. Тем более, что попытки пойти по легкому пути, применив «заимствованные теории» к новой российской реальности закончились провалом, а гиперкомпенсация комплекса неполноценности апологией самодостаточности и «цивилизационной уникальности» ведет в очередной интеллектуальный тупик.

К сожалению, стратегия адаптации в российском обществе довлеет над попытками утвердить новые проекты и концепции, обуславливающие необходимость преодоления «периферизации» места России в КМ. Пока ценность стабильности в российских социально-политических науках переигрывает желательность перемен и социальных экспериментов. Более того, любые целенаправленные перемены стали восприниматься чуть ли не как заведомое социальное зло, в том числе несмотря на тот факт, что периферийное положение России в КМ со всей очевидностью не соответствует тому экономическому и научному потенциалу, которым обладает страна.

В последние годы, убедившись в существовании серьезной специфики страны и следовательно затруднительности простого копирования опыта и практик центра КМ, российские элиты начали возвращаться к инварианту некой аутентичной истории, проявляемому в виде усиления вертикали власти, постройки партийной системы с доминирующей партией, свертывании пространства публичной политики, поддержки гигантских сырьевых госмонополий и т.п. Но это шаг в прошлое, закрепляющий периферийность России и фактически закрывающий российское общество в новой автаркии.

С позиций миросистемного подхода, социалистический лагерь, прежде всего страны Восточной Европы и СССР, являясь полупериферией КМ, решили проблему достижения либерального консенсуса и включения в КМ в своем собственном, альтернативном варианте. Со схоластических позиций адепты универсальности практик воплощения КМ в ее «капиталистическом» варианте могут обвинять социалистический блок в тоталитаризме. Однако суть вещей заключается в том, что СССР по-иному, нежели центр КМ, воплотил принципы проекта Просвещения. И этот альтернативный вариант эффективно отвечал тем

задачам, которые стояли перед Россией накануне революции 1917 г.

В XX в. Россия реализовала аутентичный вариант модернизации, институционально и идейно адаптированный к своим культурно-историческим и природно-климатическим условиям. В результате форсированной модернизации начального советского периода Россия из аграрной страны, где 90% населения – крестьяне, из «периферийной империи», стоящей на грани неминуемого распада, шагнула в «советский Модерн». *Более того, Россия в короткий исторический срок превратилась в идейного лидера стран полупериферии и периферии КМ, чуть ли не в альтернативный центр миросистемы. Но этот по сути слишком утопический и преждевременный глобальный проект трансформации КМ в социалистическую миросистему в 1960–1970 гг. начал стагнировать и в результате привел СССР к экономическому и идеологическому надлому.*

Но сам факт создания в XX в. внутри глобальной КМ живучего ядра альтернативной миросистемы свидетельствует о том, что КМ все же потенциально может быть подвергнута серьезной трансформации.

Шансы России на улучшение своего положения на фоне усиливающихся глобальных трансформаций, перераспределения политэкономических ролей и зон интересов мировых регионов остаются смутными. Дело в том, что условиями исторических рывков России всегда выступали централизация власти (через налоги, управление, армию и образование) и эксплуатация дешевого крестьянского труда, без которого не состоялась бы социалистическая индустриализация¹. Но сегодня ресурс российской

¹ Дердугян Г. Эволюция Российского государства в миросистемной перспективе, 1000–2010 гг. н.э. [WWW-документ от 24.07.2006] // <http://www.inop.ru/reading/evolution>

деревни исчерпан в пользу города окончательно. Россия стала преимущественно урбанистической страной еще в середине 1960-х гг. Поэтому властная элита со своей идеей вертикали власти фактически пытается, хотя и непоследовательно, опереться на хрестоматийную для российской истории централизацию, позволяющую «отжать» дополнительные ресурсы для осуществления неких проектов в рамках всей России.

Правда, масштабных проектов, интегрирующих вокруг себя нацию (полет на Марс, выход на лидирующие позиции в мире в той или иной отрасли и т.п.), до сих пор пока нет, если не считать таковыми пиаровские нацпроекты. Более того, сформировавшийся в советское время массовый тип личности как индивидуалиста-потребителя все более болезненно воспринимает попытки свернуть объем достигнутых личных свобод и социальных гарантий в обмен на обязанности гражданина, вменяемые государством. Российское население, проникнутое идеологией общества потребления, вовсе не собирается быть более аскетичным ради сколь угодно выгодных долгосрочных проектов и интересов будущих поколений, особенно на деморализующем примере отечественных элит.

Таким образом, из-за демографической ситуации просто нечем жертвовать. Общество потребления живет не ради каких-либо проектов будущего, но ради себя. Закономерно, что в таких обществах, к которым относятся не только США, Япония и ЕС, но и современная Россия, население не воспроизводится собственными силами. В РСФСР чистое воспроизводство населения прекратилось еще в 1964 г.¹. А со-

¹ Вишневецкий А.Г., Васин С.А., Зайончковская Ж.А. Демографический и трудовой потенциал населения России // Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / Под ред. Д.С. Львова. М., 1999.

ответственно нет того демографического давления, за счет которого совершались прежние революции и исторические прорывы. Поэтому нет ничего удивительного, что в ситуации постсоветских реформ осуществляется не переход общества куда-либо, но обыкновенная деконструкция социального государства советского периода. Этот переход удачно маскируется для населения «восставшими» этническими, территориальными и отраслевыми элитами (которые начали поднимать голову уже в 1970-е гг.) как воздействие непреодолимых и объективных сил: рынка, неэффективности советской экономики, проигрыша в холодной войне, слишком больших госрасходов СССР, негативных издержек географии и климата и т.п. Именно таково оправдание отмены любых льгот, повсеместного введения платных услуг, постоянного роста тарифов монополий и т.д.

Задачи для России

Обществоведы, работающие в постсоветском пространстве, пребывают едва ли не в самом подвешенном положении, поскольку у них появились как минимум целых четыре точки отсчета социальной реальности: советского общества, постсоветского, западного и идеального состояния отечественного общества. В результате подобной мультипликации российское общество теряет привычные ориентиры и стабилизаторы, связанные с непрерывностью легитимных политических традиций и практик устоявшихся моделями выхода реальной политики на собственное методологическое и теоретическое осмысление.

Потеря базовых социальных смыслов и ценностей в постсоветском обществе является прямым следствием отката России на периферию КМ. Факта, по сути, не компенсированного никакой новой «идеей», предполагающей его преодоление. Несмотря на то, что прошло почти два десятилетия с момента реализации данного факта. В результате

отечественное обществознание, действуя по инерции, выполняет скорее компенсаторную, нежели действительно рефлексивную и преодолевающую этот факт функцию.

Более того, во вновь вернувшейся на позиции (полу-) периферии России возродились мистифицирующие и упрощающие положение дел общественные теории западнического и почвеннического толка. Одни призывают Россию слиться с миросистемой на условиях ее акторов-гегемонов, другие предлагают полностью исключить Россию из миросистемы и строить автаркичную мироимперию.

Представляется, что России нужны альтернативные концепции, в которых четко осознается необходимость изменения миросистемы ради изменения судьбы России. Это способствует преодолению заикленности, типичной для общественных наук периферии, на собственной локально-национальной проблематике, симулякральных проблемах идентичности, комплексах обязательного признания любых новаций «внешними авторитетами» и т.п.

Не так давно доминировавшая транзитологическая парадигма в настоящее время полностью выработала свой эвристический потенциал¹. Теории опирающиеся на представление о некоей цивилизационной «норме» с необходимостью описывали все многообразие не включающихся в них обществ лишь как временные «отклонения». Однако стало очевидным, что отклонения со временем не исчезают, а продолжают накапливаться.

Теории «информационного общества» или «общества знания» оказались отчасти наивно оптимистичными, отчасти «пирогом не для всех» сегментов современной КМ. Теории «особого пути» России также не смогли предложить ничего принципиально иного, кроме традиционалистской критики нового мирового порядка, в кото-

¹ Мартынов В.С. Метаязык политической науки. Екатеринбург, 2003. С. 162-176.

рый волей-неволей обречена интегрироваться современная Россия. К тому же сторонники этих теорий не могут не учитывать факта включенности России в мировые процессы, интерпретируя его преимущественно с негативной точки зрения.

Наконец, неолиберализм вместо всеобщей панацеи оказался лишь ограниченной и достаточно кратковременной реакцией на разочарование в глобальном левом движении, компенсирующем издержки КМ. Оказалось, что последовательно проводимый курс неолиберализма ведет к экстремальному расслоению обществ, обострению политико-экономических конфликтов и общей поляризации КМ. Таким образом, избавление от левых надежд обеспечило лишь кратковременный успех компенсаторного по своему характеру рыночного мифа неолиберализма.

Поэтому в настоящее время на статус перспективной парадигмы общественнознания может претендовать именно миросистемный анализ, с точки зрения которого Россия уже очень долгое время является частью глобальной миросистемы, а специфика ее постсоветских социальных, экономических и политических институтов во многом связана с периферийным положением в этой миросистеме. Такая постановка проблемы позволяет, в частности, удовлетворительно рассмотреть концептуальные особенности и российской экономики, и российского общественнознания, постоянно сталкивающихся с необходимостью преодолевать периферийность страны в рамках глобальной миросистемы. Более того, исторические варианты преодоления периферийности – догоняющая модернизация (петровские реформы), адаптация к внешнему миру (неолиберализм), изменение миросистемы (большевики), создание частичной автаркии (сталинизм) – по сути являются инвариантами, которые могут быть использованы и в отношении современной КМ.

Но изменить свое положение в миросистеме на более выгодное Россия может лишь меняя ее целиком. Предлагая глобальные решения. Такая позиция связана с отказом от популярных в России национальной и цивилизационной парадигм в пользу более широкой – миросистемной.

С одной стороны, России исторически присущи эгалитаризм и универсализм, готовность к диалогу с любыми акторами на основе всеобщих и равных международных норм и принципов. Именно на основе подобных норм в XX в. России удалось сплотить интересы половины мира, обладая несопоставимо меньшими экономическими ресурсами влияния, чем центр КМ. С другой стороны, подобный переход к миросистемной парадигме неизбежно направлен против статус-кво, а также позиции собственных правящих элит, для которых лучше чем «здесь и сейчас» быть уже не может, и которые априори против любых социальных перемен.

Российские правящие элиты все активнее используют отвлекающую цивилизационную риторику, согласно которой источники несчастий России и ее главные враги находятся за ее пределами. Основная проблема заключается в том, что в силу нашей «цивилизационной уникальности» центр КМ (тракуемый как «Запад») нас не хочет понимать, либо не может понять в принципе, потому что боится России и не желает допустить ее усиления. Из этого делается вывод: а) мы иные и уникальные, поскольку Запад нас «не понимает»; б) тот, кто нас не понимает, является врагом, только и ждущим, чтобы сделать России очередную пакость; в) именно из-за происков иноцивилизационных агентов, а не банальных отечественных чиновников, народ так плохо живет. Поэтому надо потерпеть. И действительно, канализация социального протеста с помощью конфликтной цивилизационной риторики, национализма и терроризма эффективно выполняет отвлекающую роль. Но истины «для внутреннего употребления» и любые полуправды порочны и недолговечны.

Но проблемы остаются. И болезненная реакция России на любое недружественное высказывание из центра КМ все же свидетельствует об обратном – о стремлении стать частью этого центра. *Поскольку исключительность России из того, что ошибочно называют «западной цивилизацией», на самом деле является исключенностью из миросистемы.*

Цивилизационные ответы в патриотическом духе самостийности и «умом Россию не понять» действительно все еще популярны во внутренней повестке дня, но оборачиваются провалом во внешней политике. Эффективное участие России (как и любой другой страны) в международных структурах предполагает отказ от исключительности, которая автоматически обуславливает политическую периферийность и маргинальность в пользу всеобщности, готовности разговаривать со всеми субъектами реальной мировой политики без сверхдержавных и цивилизационных комплексов. Готовность предлагать не цивилизационные, а общечеловеческие сценарии и решения проблем, которые могли бы в долговременной перспективе устроить все заинтересованные стороны¹.

Таким образом, традиционные географические метафоры лишь уводят от того факта, что в КМ человечество представляет все более взаимосвязанное целое. И здесь Россия вовсе не нуждается в прерывании самореференции, самоопределении через что-то иное, особенное, уникальное, «самостийное». Поскольку Россия не есть Цивилизация. Не Евразия. Не Запад. Не Восток. Не Юг. Не Север. И уж, конечно, не промежуточный мост между ними, как считают некоторые представители российского истеблишмента².

¹ Например, российский способ разрешения ядерной проблемы Ирана являлся одним из подобных оптимальных сценариев. См. подробнее: *Иноземцев В.Л.* Россия – Иран: экономика и геополитика // *Business Week (Россия)*, 2006. № 2.

² *Лужков Ю.* Мы и Запад // *Российская газета*, 2006. 15 июня.

Представляется, что оптимальная, и интеллектуальная, и моральная позиции состоят в том, что Россия – это квинтэссенция человечества, что в России есть место для всех. Это то место, где могут родиться новые справедливые решения глобальных проблем современности. Решения, от которых зависит иное, более справедливое будущее человечества, взамен либерального консенсуса, обнаружившего свои исторические пределы и неуниверсальность. Решения, учитывающие интересы будущих поколений и не основанные на получении сиюминутных выгод меньшинства за счет остального человечества.

Сможет ли Россия в XXI в. вновь найти в себе что-то универсальное и всечеловеческое, новую социальную квинтэссенцию, достойную будущего всего мира? Время покажет. Но в любом случае эта перспектива предполагает преодоление иррационального и конфликтного тупика: а) цивилизационного (уникально-партикулярного); б) имперского (автаркичного) мышления, в котором в постбиполярный период оказались многие представители и российского обществоведения, и политических элит.

Можно как искать стратегии тактического улучшения позиций России в КМ, так и заниматься футурологическим поиском возможных альтернатив капиталистической мир-системе. Во втором случае представляется, что принципиальным выходом из КМ и общества потребления может быть лишь перепостановка их основной цели – бесконечного накопления капитала. Что за путь это может быть – сказать сложно. Гораздо легче ответить на вопрос, как на него выйти. Выход из общества потребления представляется связанным с возникновением нового холистского мировоззрения. Подобный импульс может быть связан с «обнаружением» и обновлением трансцендентных основ политики и, возможно, практикой новой аскезы, отрицающей сверхценность потребления. Возможно, этот импульс будет пи-

таться эсхатологической энергией грядущих катастроф. Проблема лишь в том, желает ли кто-то здесь и сейчас «по настоящему» покинуть общество потребления, капитализма и либерального консенсуса, которому пока действительно не видно достойных альтернатив того же уровня.